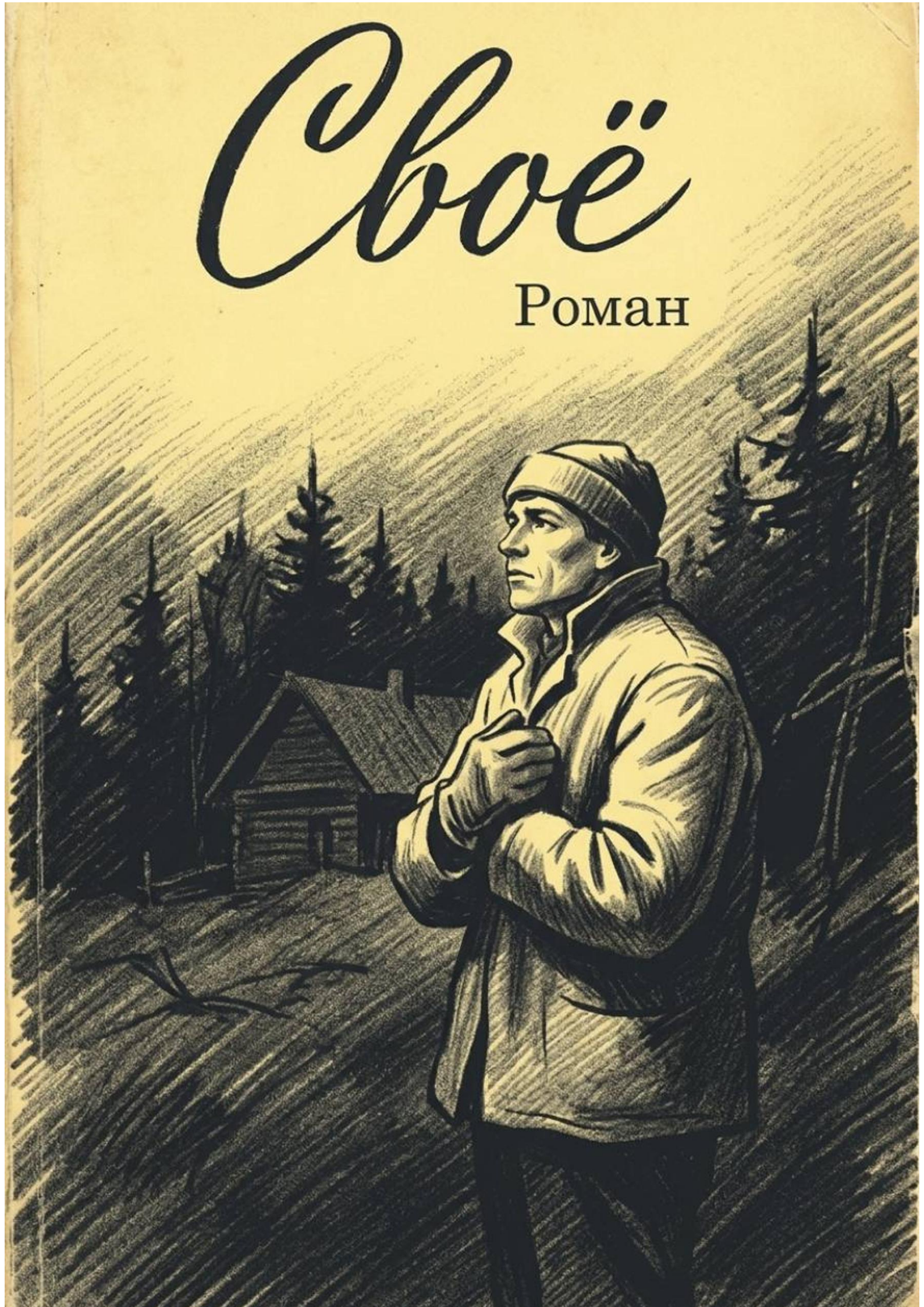
Своё

Роман



Александр Степанин

Своё

«Автор»
2026

Степанин А.

Своё / А. Степанин — «Автор», 2026

Глеб живёт один в глухом лесу. Его дни заполнены тяжёлой и понятной работой: дрова, вода, крыша, капканы. Никто не ждёт от него объяснений, улыбок и удобной версии себя. Именно в этом он находит редкое совпадение — между тем, как устроен он сам, и тем, как устроена его жизнь.Покой нарушают чужие следы. В лесу появляется человек из другого мира. Он не требует дружбы и не лезет в дом, но одного его присутствия достаточно, чтобы Глеб заново проверил, на чём на самом деле держится его устройство жизни.«Своё» — тихий психологический роман о том, что счастье бывает разным. И о том, какую цену человек готов платить за право оставаться собой.

© Степанин А., 2026
© Автор, 2026

Александр Степанин
Своё

СВОЁ
Роман

ГЛАВА 1

Глеб проснулся до рассвета. Так было почти всегда. Не потому, что ставил будильник, и не потому, что тело само выбрасывало его из сна. Просто в какой-то момент сон заканчивался, и он открывал глаза в темноте, уже зная, что дальше будет утро.

Хижина пахла деревом, дымом и чуть-чуть мышами. Мышей он не травил. Они жили своей жизнью под полом, он — своей наверху. Иногда по ночам было слышно, как они шуршат. Глеб давно перестал на это реагировать.

Он лежал неподвижно несколько минут, слушая, как работает тело. Колени ныли. Правое плечо, которое он когда-то сильно ушиб, тоже отдавало тупой болью. Это было привычно. Боль была частью утра, как холод воздуха и необходимость вставать.

Когда он всё-таки сел, темнота чуть сдвинулась. Через маленькое окно уже пробивался серый свет. Глеб поставил ноги на холодные доски и посидел ещё немного, опираясь руками о край топчана. Потом встал.

Первым делом — печь. Он делал это автоматически. Открыл заслонку, разгреб золу, положил тонкие щепки, потом потолще. Спичку чиркнул один раз. Огонь взялся сразу. Глеб подержал немного, пока пламя не стало уверенным, и только после этого поставил сверху чайник с водой.

Пока вода закипала, он вышел наружу.

Лес стоял тихий, ещё без ветра. Воздух был сырой и тяжёлый. Глеб прошёл к туалету — простой деревянной будке в десяти метрах от дома, — потом к бочке с водой. Умылся ледяной водой, долго тёр лицо ладонями. Кожа после этого становилась жестче и как будто яснее.

Он не любил зеркал. В хижине его не было. Иногда, когда брился, он смотрел на своё отражение в тёмном оконном стекле, но делал это редко и без интереса. Лицо его мало занимало.

Вернувшись, он заварил крепкий чай в железной кружке и сел на табурет у печи. Пил медленно, маленькими глотками. Это был один из тех моментов, которые он никогда не торопил. Пока чай горячий, пока печь начинает отдавать тепло, пока за окном ещё не совсем рассвело — время принадлежало только ему.

Глеб думал мало. Точнее, думал иначе, чем раньше. Раньше мысли шли цепочками: что сказал, как ответил, правильно ли посмотрел, не подвёл ли. Теперь мысли были короткими и привязанными к делу. Дрова. Крыша. Капкан. Снег. Боль в плече.

После чая он оделся теплее и вышел рубить дрова.

Колода стояла сбоку от хижины, под навесом. Топор был тяжёлый, хорошо знакомый. Глеб работал не быстро и не медленно. Каждое движение было отработано годами. Поднять, направить, ударить. Поленья раскалывались с глухим, удовлетворительным звуком. Через двадцать минут спина уже нормально включилась в работу, боль в плече стала фоном.

Он любил эту работу именно за её понятность. Нет никаких скрытых правил. Нет людей, которые смотрят и оценивают. Есть только сопротивление дерева и сила, которую ты в него вкладываешь. Результат виден сразу.

Когда наколол достаточно, сложил дрова в поленницу. Аккуратно, плотно. Беспорядок в дровах раздражал его сильнее, чем многие вещи из прошлой жизни.

Вернувшись в хижину, он приготовил простую еду: картошка, остатки тушёнки, кусок хлеба, который он сам пёк два дня назад. Ел молча, сидя за узким столом у окна. За окном лес уже полностью проступил из темноты. Деревья стояли мокрые, тяжёлые, равнодушные.

Глеб смотрел на них без особых чувств. Он не считал лес другом и не считал его врагом. Лес был условием. Как воздух. Как необходимость топить печь.

После еды он долго сидел, не вставая. Руки лежали на столе. Пальцы были в мелких трещинах и заусенцах. Он посмотрел на них так, словно впервые заметил, потом отвёл взгляд.

Где-то далеко существовал другой мир. Там люди просыпались от будильников, отвечали на сообщения, объясняли сами себя в разговорах. Глеб помнил этот мир достаточно хорошо, чтобы не идеализировать его и не ненавидеть. Он просто больше в нём не участвовал.

И в этом отсутствии участия было что-то тяжёлое и ясное одновременно.

Глеб встал, убрал со стола и взял пилу. Сегодня нужно было проверить капканы и заодно посмотреть, не подтопило ли ручей после ночного дождя. День был впереди длинный. И он весь принадлежал ему.

ГЛАВА 2

День у Глеба почти никогда не был одинаковым, но ритм оставался одним и тем же. Сначала тело, потом дело, потом снова тело. Он давно заметил, что если начать день с мыслей, они расползаются и начинают мешать. Поэтому он старался сначала сделать что-то руками.

После капканов и ручья он вернулся уже ближе к полудню. На ногах была грязь, рукава куртки намокли. Он сменил одежду, повесил мокрое сушиться у печи и долго стоял, грея руки. Пальцы болели от холодной воды. Это была хорошая боль — понятная, честная.

Глеб сел и открыл тетрадь. Не дневник. Просто тетрадь, в которой он иногда отмечал, что сделал, что закончилось, что нужно заменить. Сегодня записал: «Капкан у ручья пустой. Вода поднялась. Хлеб на два дня». Почерк у него был мелкий, плотный.

Раньше он вёл совсем другие записи. Планы, списки задач, переписку. Сейчас списки стали короткими. И от этого в голове тоже становилось короче.

Он закрыл тетрадь и посмотрел на свои руки. Трещины на пальцах были глубокими. Зимой становилось хуже. Тело здесь требовало постоянного внимания. Сигналы были прямыми. Не поел — нет сил. Не укрылся — замёрз. Не починил вовремя — будет хуже. Глеб уважал эту прямоту.

Во второй половине дня он занялся крышей. После дождей в одном месте начало капать. Он залез наверх с доской и толем, работал медленно. Высота была небольшая, но падать всё равно не хотелось. Особенно в одиночку. Мысль о том, что будет, если серьёзно повернуться, иногда приходила. Он не прогонял её. Просто ставил рядом с другими фактами.

К вечеру работа была сделана. Он спустился и долго стоял во дворе, глядя, как темнеет лес. Небо было низкое, тяжёлое. Пахло сырой корой и прелой листвой.

В такие моменты он иногда ловил себя на ощущении совпадения. Как будто внутреннее и внешнее наконец перестали спорить. Тело устало ровно настолько, насколько было нужно. Дела сделаны. Впереди ночь, в которой никто не потребует от него быть кем-то.

Он вспомнил, почти случайно, как раньше боялся оставаться один на выходных. Телефон должен был быть под рукой. Тишина тогда казалась обвинением. Сейчас тишина была просто тишиной.

Глеб зашёл в хижину, плотно закрыл дверь и задвинул засов. Это тоже был ритуал. Не из страха. Скорее из желания провести черту: вот здесь заканчивается лес и начинается его пространство.

Он растопил печь сильнее, повесил чайник и сел на топчан. Закрыл глаза. Боль в плече была ровной, фоновой. Где-то под полом коротко шуршанули мыши и снова затихли.

На какое-то время мысли почти прекратились. Осталось только тепло, запах дыма и тяжёлое дыхание. Глеб не называл это счастьем. Он просто чувствовал, что находится на своём месте.

ГЛАВА 3

Ночью подошёл сильный ветер. Глеб проснулся от того, что хижина чуть слышно гудела, а где-то на крыше слабо колотилось. Он лежал и слушал. Ветер был не опасный, но настойчивый.

Утром оказалось, что одна из досок навеса над дровами частично отошла. Глеб занялся этим сразу после завтрака. Работа была неудобная: доска на высоте, ветер ещё не полностью стих, руки скользили. Несколько раз ему пришлось останавливаться и просто стоять, пережидая порыв.

В такие минуты тело становилось особенно заметным. Не как инструмент, а как ограничение. Плечо ныло сильнее обычного. Один раз, когда он тянулся слишком резко, боль прошла до лопатки, и он на секунду замер, сжав зубы.

Он давно понял, что одиночество имеет свою цену, и цена эта не в тоске. Цена была в отсутствии подстраховки. Если что-то пойдёт по-настоящему плохо, рядом не окажется никого. Раньше эта мысль иногда тревожила. Сейчас он просто учитывал её.

К обеду навес был починен. Глеб спустился, вытер руки о штаны и сел на крыльцо. Ветер уже ослабевал. Между деревьями пробивалось бледное солнце. Капли с ветвей падали редко и тяжело.

И тут, без видимой причины, вспомнилась квартира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.